ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

УРОКИ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ*

В знаменитом платоновском диалоге "Федр" Сократ рассказывает египетскую легенду о споре бога Тевта, изобретателя письменности, и царя Тамуса. Тевт, пытаясь убедить царя в необходимости письменности, говорит ему: "Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости" Царь ответил: "Искуснейший Тевт, один способен порождать предметы искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселяют забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, но посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя многое будут знать понаслышке, без обучения и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых" Дальше Сократ добавляет от себя: "Значит, и тот, кто рассчитывает запечатлеть в письменах свое искусство и кто в свою очередь черпает его из письмен, потому что оно будто бы надежно и прочно сохраняется там на будущее, – оба преисполнены простодушия и, в сущности, не знают прорицания Аммона, раз они записанную речь ставят выше, чем напоминание со стороны человека, сведущего в том, что записано" (*Платон.* Федр // Соч. Т. 2. С. 216–217).

В старом споре между скриптофилами (теми, кто считает, что письменная традиция важнее устной) и вербофилами (сторонниками бóльшей ценности устной традиции) нельзя не согласиться с последними в том, что в личностном и духовном воздействии на человека устная передача текстов имеет известные преимущества перед письменной. Звучащая и слышимая речь существенно отличается от слова, фиксированного письменными знаками и воспринимаемого зрением. Зрение предполагает отдаленность видящего от видимого,

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 02-03-18064а).

дистанцию между ними, в то время как звук, где бы он не возник, преодолевая дистанцию, проникает внутрь слушающего, сливается с ним в единой вибрации.

Кроме того, письменное слово, абстрактное и символическое по самой своей сути (набор знаков), постигается прежде всего разумом (хотя и попадает в него благодаря зрению), в то время как звучащее слово может восприниматься совершенно бессознательно (как набор звуков) и поэтому способно воздействовать на психику человека еще и чисто физически. Слово-звук по сравнению со словом-буквой имеет для этого свой собственный диапазон возможностей: тон, тембр, интонацию, ритм, громкость и даже паузы[1].

Предметом этой публикации являются материалы, которые призваны напомнить о том, что устная традиция в истории мировой культуры не ограничивалась фольклорными преданиями – устным бытованием нарративных или поэтических текстов. Почитание слова и речи как магической и сакральной силы было свойственно многим традиционным обществам, но только в Индии оно становится основой совершенно уникальной традиции, наложившей сильнейший отпечаток на религиозную жизнь этой страны. Хотя письменность и появилась на индийском субконтиненте довольно рано (и в этом смысле индийскую культуру никак нельзя назвать бесписьменной), ее использовали не в ралигиозно-культовой сфере, как, например, письменность в Древнем Египте, а главным образом в бюрократических целях (в государственном управлении). Устная же трансляция священных текстов Вед от учителя к ученику составляла, напротив, системообразующий фактор всей духовной жизни Индии. Главное заключалось в том, что ученик получал Веды непосредственно – из уст, т.е. с голоса учителя. Тем самым, как считалось, сохранялась первоначальная космическая вибрация, а значит, и внутренняя сакральная сила звучащего слова.

Овладев, с помощью учителя, особой мнемотехникой, кстати, чрезвычайно изощренной, ученик запоминал и мог воспроизводить Веды с любого места и в любой последовательности. Только после такого всестороннего освоения текста могло произойти самое важное событие в обучении – рождение в ученике особой личностной целостности знания, так сказать, духа текста, превращающее его в носителя ведийской традиции[2].

---

[1] Интересно, что слово-звук может произвести положительный или отрицательный эффект, даже если мы не понимаем его смысла (таково, например, воздействие музыки не только на людей, но, как показывают современные исследования, на животных и даже на растения). В практике современных сект, провозглашающих себя преемниками Вед (например, среди последователей Махариши Махеш Йоги), чтение ведийских мантр на санскрите без разъяснения их смысла служит одним из важнейших средств гармонизации личности на бессознательном уровне. Звуковой ряд мантр, как считается, отражает самые глубинные ритмы вселенной и поэтому, произнося их, адепт "настраивает" свою психику в унисон космосу, приходит в гармоническое состояние.

[2] Идея, развитая в работах В.С. Семенцова (1981, 1988).

Известный французский индолог и культоролог Шарль Маламуд выявляет разграничение функций письменного и устного слова в традиционной индийской культуре, а затем прослеживает тонкую эволюцию их сближения и взаимного отражения.

Излюбленный аргумент скриптофилов, сводящийся к тому, что только с появлением письменности ум освободился от ненужного груза информации для свободного развития аналитического и абстрактного мышления[3], опровергается существованием в индийской традиции мнемонических текстов сугубо аналитического характера, образцы которых – фонетические трактаты и этимологии – обсуждаются в моей статье.

В.Г. Лысенко

СЛОВО ДЛЯ ЗРЕНИЯ И СЛОВО ДЛЯ СЛУХА

Шарль Маламуд

В Национальном музее Калькутты можно полюбоваться изящной статуэткой, изображающей пишущую молодую женщину: пером, поддерживаемым в вертикальном положении пальцами правой руки, она что-то наносит на своего рода пластинку, которую держит в левой руке. Эта статуэтка была найдена в Кхаджурахо, месте, обычно вызывающем у нас ассоциации с индийской эротикой, поэтому в каталогах она часто фигурирует под названием "любовное послание" Под этим названием ее популяризировала серия почтовых марок и под ним же, как известно, она стала эмблемой индийской почты. Каковы бы ни были наши предположения относительно содержания этого письма, важно другое – сам вид пишущей женщины был для Индии IX в. н.э. чем-то совершенно привычным.

Самыми древними образцами индийского письма, какими мы ныне располагаем, являются знаменитые эдикты Ашоки (III в. до н.э.). Выгравированные на камнях или на столбах, установленных по всей территории Индийского субконтинента, они имеют долгую

---

[3] В частности, в популярной французской брошюре по лингвистике сказано: "Трудно определить начало науки лингвистики, поскольку это зависит от того, что мы изберем в качестве критерия научности. Однако ясно наверняка – грамматические размышления появились лишь после изобретения письменности, которая позволила развернуть слово в пространстве, составить списки, таблицы и т.п." (*Мэнгено* 1996:10). Это ясное "наверняка" французского автора так же "наверняка" опровергается феноменом индийской грамматики, которая сумела "развернуть слово в пространстве" и т.п. без всякой связи с изобретением и использованием письменности.